

Часть I

Отплытие

Мы — нация притворщиков; каждый из нас играет роль и одновременно настаивает на том, что все происходящее подлинно.

Ричард Родригес.

Браун: последнее открытие Америки

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Как стать знаменитой скрипачкой

Расстояние между концом грифа и подставкой ничтожно мало. Стоит правой ладони вспотеть, как смычок соскальзывает на миллиметр вправо или влево, конский волос ударяет по подставке или со скрежетом царапает струны.левой руке приходится еще сложнее: та приближается к грифу под неестественным углом, и невозможно инстинктивно понять, куда ставить пальцы, — пространственные ориентиры отсутствуют. Пианино, духовые — у других инструментов есть клавиши: нажал — услышал звук. Но чистая игра на скрипке — поиск иголки в стоге сена: скрипачи отыскивают благозвучные ноты среди скрежета, визга и фальши.

Со стороны игра скрипача походит на яростное физическое усилие и выглядит забавно: волосы на смычке рвутся, лоб скрипача нахмурен, туловище и ноги напряженно согнуты под странными углами. Некоторые музыканты разговаривают со своим инструментом, как, например, американская скрипачка Надя Салерно-Зонненберг. Другие рубят смычком по струнам, словно сражаются с противником на мечах, — так играет Джошуа Белл. Третьи ласкают шейку скрипки мягкими пальцами, будто желая соблазнить ее. Но независимо от манеры исполнения скрипач должен успеть извлечь ноту за мгновение, отмеренное длиной смычка.

Есть мнение, что стать знаменитым скрипачом можно только одним способом. На самом деле способов два.

Как стать знаменитой скрипачкой: исчерпывающие рекомендации

Автор: знаменитая скрипачка Джессика Чиккетто
Хайндман

Способ 1. Родиться с необыкновенным музыкальным даром в городе (или недалеко от него), в котором есть превосходная консерватория, — скажем, в Нью-Йорке, Москве или Лондоне. Начать заниматься музыкой с раннего детства и развивать свой талант, играя на скрипке минимум 2–4 часа ежедневно под руководством опытного маэстро. Поступить в консерваторию мирового уровня и практиковаться не менее 6–8 часов в день. Пройти через сотни изматывающих прослушиваний, мастер-классов и репетиций и вырваться вперед, оставив позади конкурентов. Начать сольную карьеру. Превзойти остальных немногих успешных солистов, не позволяя им занимать лучшие концертные залы и перехватывать контракты со звукозаписывающими студиями. Продолжать ежедневные изнурительные занятия — до конца жизни и (или) до тех пор, пока пальцы не скрутит артрит и (или) пока однажды, будучи одним из величайших музыкантов мира, вы: а) не доведете себя до нервного срыва; б) не начнете подсознательно саботировать профессию, выбрав в качестве хобби что-то плохо совместимое с игрой на скрипке и грозящее потерей пальцев: рубку дров, жонглирование кинжалами, ковку; в) не уйдете со сцены в педагогику, чтобы учить детей менеджеров хедж-фондов пиликать «Сияй, сияй, маленькая звездочка»*.

Способ 2. Играть очень тихо перед выключенным микрофоном под фонограмму, на которой записано выступление другого, более талантливого скрипача, — так, чтобы в зале никто ничего не заподозрил. Объезжая с гастроями всю Америку, проделать

* «Сияй, сияй, маленькая звездочка» (Twinkle, Twinkle, Little Star) — популярная английская колыбельная песня.

это в пятидесяти четырех городах. Отправиться в тур по Китаю и совершить то же самое в шести городах. Выступить по национальному телевидению в передачах, которые ведут голливудские звезды. Выступить с фальшивыми концертами в Карнеги-холле и Линкольн-центре. На доходы с них оплачивать обучение в колледже и аренду квартиры в Нью-Йорке.

Хотя музыку, которую слышат зрители, играет не вы, хлопают они вам; их восторг и аплодисменты — настоящие.

Заметьте, что неспособность отличить реальность от подделки, первый способ от второго — классический симптом психического расстройства.

«Боже, благослови Америку», турне 2004 года *Из Нью-Йорка в Филадельфию*

Композитор печет себе торт. Никто из нас (мы — это Харриет, Стивен, Патрик и я) не знает, что у него день рождения, пока он не начинает замешивать тесто. Наш трейлер застрял в пробке где-то в недрах тоннеля имени Линкольна. Духовка сломалась, поэтому Композитор поставил торт под маломощный газовый гриль. В салоне сильно пахнет газом. Точка света в конце тоннеля ширится, и мы наконец выезжаем на выжженные солнцем болота индустриального Нью-Джерси. Впереди — весь североамериканский континент, в зеркале заднего вида — удаляющиеся небоскребы Манхэттена.

Я сижу за обеденным уголком в паре метров от Композитора, стоящего у печки на коленях, и просматриваю маршрут. Маршрут гастролей — книжечка в переплете с ламинированной обложкой

и надписью на титульном листе: «Боже, благослови Америку: турне, август — ноябрь 2004 года». Сегодня первый день, и у нас запланирован переезд из Нью-Йорка в Филадельфию. Всего за 74 дня мы должны посетить 54 города, а затем вернуться в Нью-Йорк и дать финальный концерт в Карнеги-холле (все билеты на него уже проданы).

Простояв час на коленях перед грилем, Композитор ставит на плиту непропекшийся торт, выдавливает на него гору взбитых сливок и украшает целыми ягодами клубники. В это время трейлер натывается на кочку; торт взмывает в воздух, пролетает через весь салон и падает прямоком в мусорный бак у двери. Дверцы кухонных шкафов, пол, бока мусорного бака — все покрыто ягодно-сливочной массой. Композитор удаляется в свою спальню, расположенную в задней части трейлера, и захлопывает дверь.

Я открываю маленький кухонный шкафчик, дверца которого заляпана сливками. Это мой шкаф на время турне. Внутри книги, которые, как мне показалось, подходят для трехмесячной поездки по США с Композителем: «В дороге» Джека Керуака, «Путешествие с Чарли в поисках Америки» Джона Стейнбека, «Налегке» Марка Твена, «Вся королевская рать» Роберта Пенна Уоррена, «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, «Лолита» Владимира Набокова и «Чтение “Лолиты” в Тегеране» Азар Нафиси. Однако вместо книги я достаю дневник. Нас сильно трясет, ручка скачет по бумаге, но я все равно пишу.

Мне кажется, я должна знать о Композителе нечто важное, но я не представляю, что именно.

Я обвожу взглядом заляпанный салон. Композитор — человек, который берет печь для себя торт в движущемся трейлере со сломанной духовкой, на глазах у четырех подчиненных, уверенных в том, что его ждет провал, если не смерть от взрыва газа. У торта не было ни единого шанса, и все же Композитора это не остановило.

Я еще не скоро пойму, о чем писала тогда в дневнике. Лишь много лет спустя, размышляя об этом, я наткнулась на одну

статью — о том, почему мемуаристы часто пишут от второго лица. Согласно распространенной теории, автор ведет повествование во втором лице, когда вспоминает травмирующее событие. Но у меня на этот счет своя версия: многие люди (и я среди них), начиная писать от первого лица, чувствуют, будто идут на ужасный обман. Ни за что на свете «я» не встану перед микрофоном, чтобы выступить в прямом эфире; никто и никогда не захочет слушать «меня» и не купит билет на концерт, где выступаю «я». Именно поэтому «я» становлюсь «тобой» и, притворяясь «тобой», наконец могу сказать то, что хочу.

Нью-Йорк

1999 год

Свою первую ночь в Нью-Йорке ты проводишь на Пенсильванском вокзале с бездомной старухой по имени Роуз. Роуз через вестибюль смотрит на тебя — восемнадцатилетнюю, одетую в брюки цвета хаки и белую футболку от «Гэп», сидящую на полу в простенке между фреской с изображением гологрудой богини и «Макдоналдсом» и якобы читающую «Илиаду», — и решает, что у тебя проблемы.

Почти два часа ночи, и вестибюль, окрашенный в цвета ржавчины, внезапно начинает пустеть. Торговцы фастфудом с грохотом выдвигают металлические решетки, которыми закрывают на ночь свои темные магазинчики. В коридорах, пропитанных запахом кренделей, становится тихо, и там, где еще несколько часов назад проходили тысячи ног, теперь шаги одного человека слышны издалека.

В отличие от других названий станций на карте метрополитена — 125-я улица, 72-я улица, Коламбус-сёркл, — «Пенсильванский

вокзал» звучит знакомо: это же вокзал! Поскольку тебе некуда больше отправиться и негде переночевать — в восьмимиллионном городе ты не знаешь никого, а родителям позвонить не решаешься, — ты выбираешь именно этот вокзал Нью-Йорка (смутно помня по фильмам его высокий сводчатый потолок с нарисованной картой созвездий и красивые мраморные коридоры, по которым спешат люди в деловых костюмах). Вполне подходящее место для ночевки, думаешь ты. Но еще не знаешь, что в Нью-Йорке люди в деловых костюмах к определенному часу расходятся по домам. Тебе пока неизвестно, что в ночи просыпается другой народ, которому некуда спешить, — городские бездомные, многие из которых страдают психическими расстройствами; именно они с наступлением темноты начинают бродить по тусклым и извилистым вокзальным коридорам. Тебе также неизвестно, что великолепный вокзал из кино — Центральный, а Пенсильванский похож, скорее, на декорации места преступления.

К тебе подсаживается Роуз и спрашивает, не опоздала ли ты на поезд. Ей лет шестьдесят — семьдесят; грязные седые волосы стянуты в тугий пучок. Поношенная футболка и джинсы, в руках — большой пакет из супермаркета, набитый одеждой и предметами домашнего обихода. Ты отвечаешь, что не опоздала на поезд, а приехала сюда переночевать. Роуз предлагает посидеть в зале ожидания, табличка на входе в который гласит: «Вход только для пассажиров “Амтрака”* с билетами». Тебе не нужны неприятности. Однако Роуз говорит, что тебя ждут куда более серьезные проблемы, если группа мужчин, копающихся в ближайшем мусорном баке, заметит сидящую здесь одинокую девушку. И ты соглашаешься. Вы устраиваетесь в зале ожидания для пассажиров «Амтрака», и Роуз показывает, как привязать чемодан к ноге целлофановым пакетом, чтобы его не украли, пока ты будешь спать.

* «Амтрак» (Amtrak, от англ. слов America и track — путь) — американская железнодорожная компания, обслуживающая главным образом пассажиров, путешествующих на дальние расстояния.

Ты ночуешь на Пенсильванском вокзале, потому что ушла в самоволку из Военно-воздушных сил (ВВС) США.

За восемнадцать часов до знакомства с Роуз ты села в самолет, затем в автобус, потом спустилась в метро, а после дошла пешком до Манхэттенского колледжа, расположенного, как ни странно, в Бронксе. Переодевшись там в форму тренировочного лагеря вневойсковой подготовки офицеров запаса, ты вышла вслед за сержантом в августовскую духоту, пробежала несколько кругов по стадиону, усыпанному битым стеклом, а затем много раз отжалась во имя своей родины.

Примерно через час тренировок на влажной жаре тебя и других рекрутов отвели в лекторий, где ты посмотрела презентацию о том, как ВВС США победили в войне в Косово. «Мы убили всех, кого было нужно, разбомбили с воздуха», — объявил сержант с таким видом, будто это что-то хорошее и ты должна этим фактом гордиться. Но ты удивлена: раньше ты никогда не слышала, чтобы кто-то хвастался убийствами. Сержант добавил, что войны сейчас «уже не те», но как только США понадобится «кого-нибудь разбомбить», то ВВС мигом подоспеет.

После лекции вас вывели на улицу для знакомства. Вы с ребятами сели на холмик, поросший травой, и сержант попросил каждого по кругу назвать свое имя, колледж и специализацию.

— Привет, я Маркус, поступил в Школу авиации и техники в Квинсе, буду изучать авиацию и хочу стать пилотом...

— Привет, я Хавьер, поступил в Школу авиации и техники в Квинсе, буду изучать авиацию и авиатехнику, хочу стать пилотом или инженером...

— Привет, я Тайрелл, поступил в Школу авиации и техники в Квинсе...

— Привет, я Джессика, через пару недель начну обучение в Колумбийском университете на музыкальном отделении. Я скрипачка. Моим родителям платить за обучение не по карману, вот я и записалась в армию. А если с музыкой не получится,

пойду на антропологию или историю... История искусств — вот что я хотела бы изучать. У меня много интересов! Мне и журналистика нравится, но в Колумбийском университете нет факультета журналистики, поэтому такую специализацию выбрать нельзя... Но, может, с музыкой получится? Вот, собственно, и все обо мне! Спасибо за внимание!

Ты впервые назвала себя скрипачкой в присутствии других людей и, лишь сказав это вслух, поняла, что это правда. Мечта о карьере профессионального музыканта вот-вот сбудется; тебе восемнадцать, ты приехала в большой город — в лучший из больших городов, — чтобы изучать музыку. Слушая, как другие говорят о своих жизненных целях, ты осознала еще кое-что: тебя воспитали достаточно хорошо для того, чтобы ты могла поверить, будто сможешь зарабатывать музыкой на жизнь. Но твоего воспитания явно недостаточно, чтобы представлять, как это сделать. С платой за обучение все обстоит просто: твои родители, как и большинство сельских жителей Аппалачии*, считают, что, если денег не хватает, следует записаться в армию.

Тем же вечером — это твой первый вечер в городе, в котором ты проживешь десять лет, но пока совершенно не ориентируешься, — ты обдумала возможные места для ночлега (Пенсильванский вокзал показался лучшим вариантом), посчитала, сколько жетонов на метро понадобится, чтобы туда добраться, и написала записку сержанту:

Уважаемый сержант!

Я решила, что тренировочный лагерь не для меня. Мама заставила меня записаться в армию, чтобы оплатить обучение в колледже, но, если честно, у меня к армии душа никогда не лежала. Я хочу быть скрипачкой, и, хотя ничего не знаю о ВВС (как вы, наверное, уже поняли), я более чем уверена, что скрипачи

* Аппалачия — регион, расположенный в основном в центральной и южной частях Аппалачских гор, или Аппалачей, что протянулись на востоке США. Долгое время оставался одним из самых бедных в Америке.

вам не нужны. Я патриот Америки и, поверьте, окажу своей родине услугу, уйдя из армии!

Искренне ваша,
Джессика Чиккетто Хайндман

P. S. Мне восемнадцать, и я совершеннолетняя. Не надо звонить моим родителям.

Ты оставила записку на столе в комнате общежития, в которую заселилась несколькими часами ранее, и аккуратно сложила выданную форму на кровати. Прижав чемодан к груди, чтобы не громыхать им по полу, прокралась мимо охраны и вышла в боковую дверь, ведущую в темный переулок. Прошагав квартал в обнимку с чемоданом, поставила его на асфальт и скрылась в душной ночи Бронкса.

«Боже, благослови Америку», турне 2004 года

Филадельфия

Акт I. То, что никто не видит

Композитор бегаёт трусцой по парковке у здания Пи-би-эс*. На нем кроссовки и концертный костюм: черные брюки, нарядная голубая рубашка. Мы с Харриет и Стивеном смотрим на него из окна трейлера, переодеваясь для выступления и танцуя под «Ауткаст»**. Закончив пробежку, Композитор просит нас выйти

* Пи-би-эс (PBS — Public Broadcasting Service) — американская некоммерческая телекомпания.

** «Ауткаст» (OutKast) — дуэт американских рэперов.

на улицу, где Патрик разгружает звуковую аппаратуру для нашего первого концерта в рамках турне «Боже, благослови Америку!». Патрик — бывший профсоюзный консультант по коллективным договорам, который так любит музыку Композитора, что согласился возить нас по всей Америке бесплатно. Раньше он никогда не водил трейлер, но, кажется, вполне доволен своей ролью, ведь он может слушать в дороге музыку Композитора.

Мы с Харриет и Стивеном выходим из прохладного кондиционированного фургона на липкий асфальт. Стивен, флейтист, одет в черный костюм, черную рубашку и галстук. Это высокий, худощавый мужчина в очках лет тридцати пяти; у него доброе и располагающее лицо — из тех, глядя на которые сразу успокаиваешься. Мы с Харриет в длинных черных платьях, в чулках и в туфлях на каблуках. Харриет тридцать с небольшим, но выглядит она намного моложе. У нее короткие черные волосы, точеные скулы и большие карие глаза. Высокая, безупречно красивая и стильная, как модель из каталога одежды, и вдобавок скрипачка! Рядом стою я — гораздо ниже ее и младше (мне двадцать три); блестящие нарядные заколки сдерживают мои длинные, густые, непослушные черные волосы.

— Ребят, а вы нам не поможете? — просит Композитор.

Он всегда к нам так обращается: «ребят» то, «ребят» сё. Мы работаем вместе больше двух лет, в течение трех месяцев ему предстоит объявлять мое имя на каждом концерте, однако он до сих пор не знает, что я Джессика. Если ему нужно обратиться ко мне, он называет меня Мелиссой.

Его предложение поработать грузчиками повисает в густом и душном августовском воздухе, смешанном с ядовитыми газами, вылетающими из выхлопной трубы трейлера, и слабым запахом испорченного именинного торта. Я смотрю на Харриет, та переводит взгляд на Стивена. Не говоря ни слова, мы понимаем друг друга. В любой момент Композитор может заменить нас музыкантами, которым работа нужна еще больше, чем нам: например, недавно приехавшими иммигрантами из России,

Венгрии, Румынии или Китая. Кого-кого, а голодных музыкантов в мире хватает.

Харриет подхватывает тяжелый пыльный мешок с кабелями. Стивен помогает Патрику поднять проектор, а Композитор тащит усилитель. Я беру картонную коробку с компакт-дисками и ковыляю в концертных туфлях, спотыкаясь и покачиваясь под ее весом. Мы делаем несколько ходок от трейлера к подсобке. К концу разгрузки наши костюмы выглядят плачевно: они пропитаны потом и усыпаны опилками. Я стерла ноги в кровь, бегая на каблуках с тяжелыми ящиками, но под концертным платьем этого не видно.

Акт II. То, что никто не слышит

Композитор выскакивает на сцену из-за левой кулисы и вприпрыжку несется к своему электропианино, радуясь, как ребенок; зрители ликуют, а он машет им и улыбается. Следом выходят две скрипачки и флейтист. Композитор садится за пианино, музыканты встают перед микрофонами. Без лишних промедлений, не настроившись, они поднимают инструменты и начинают играть. По обе стороны от сцены вспыхивают два больших экрана — на них орел пролетает над Большим каньоном.

Зрители слышат завораживающий звук свирели — разновидности блокфлейты, обладающей высоким протяжным тембром (этот инструмент стал популярным после того, как его использовали в аранжировке баллады Селин Дион «Мое сердце будет биться дальше»* для фильма «Титаник»). По залу также разливается звучание двух скрипок и пианино. Но никто, кроме троих музыкантов, не видит, как Композитор нажимает кнопку на портативном CD-плеере «Сони», купленном утром в «Уол-марте» за 14 долларов 95 центов.

* My Heart Will Go On.

Акт III. То, что никто не замечает

В середине концерта Композитор представляет нас зрителям.

— Эту девушку с самой лучезарной улыбкой в мире зовут Харриет. Правда же, у нее чудесная улыбка? Аплодисменты Харриет!

Потом он показывает на меня и говорит:

— А это... м-м-м... Мелисса! Мелисса на скрипке, поприветствуем ее! Наша замечательная Мелисса. Аплодисменты!

Прослушивание

Нью-Йорк, 2002 год

— Джессика? Джессика, скрипачка? — тебе в общежитие звонит Бекка Белдж, ассистент продюсера группы Композитора. — Можешь ли ты прийти на прослушивание?

— Да.

— А прямо сейчас?

— Да.

Офис — в нескольких кварталах, можно дойти пешком. Ты бежишь по Бродвею, надев самый подходящий, по твоему мнению, наряд для прослушивания: красную блузку с блестками и белую юбку. За спиной — футляр со скрипкой.

Этим летом ты работаешь на двух работах (это напоминает бесконечный квест по добыванию денег), чтобы платить за обучение в колледже, но так и не наскребаешь нужную сумму. Июнь на дворе, осталось меньше двух месяцев, чтобы собрать восемь тысяч долларов на оплату осеннего семестра. Ты на последнем курсе. Каждый вечер, выходя со второй работы, ты спускаешься в метро, едешь домой, съедаешь кусок сицилийской пиццы за два доллара, садишься за компьютер и ищешь в интернете третью работу. В очередной раз приходя к выводу, что любая достойно

оплачиваемая подработка для студентки двадцати одного года связана с оказанием сексуальных услуг.

Но вдруг на студенческом форуме тебе попадается объявление:

Требуются скрипачи и флейтисты в профессиональную группу, получившую множество музыкальных наград и выступавшую с концертами на Пи-би-эс, Эн-пи-ар* и в Линкольн-центре. Рабочие дни: пятница, суббота, воскресенье. 150 долларов в день плюс бонусы. Резюме и демозапись присылайте ассистенту продюсера Бекке Белдж.

Ты никогда раньше не видела таких объявлений. Профессиональные группы, какую бы музыку они ни исполняли — классику, фолк, панк-рок, — не размещают объявления на студенческих форумах и нанимают музыкантов после прослушивания. Никто не просит прислать демозапись.

Ты перечитываешь объявление несколько раз. Устроившись на эту работу, ты смогла бы удвоить свой нынешний доход. Мало того, ты могла бы реализовать свою детскую мечту и стать профессиональной скрипачкой!

Но есть одна проблема: музыкант из тебя так себе. Ты ушла с музыкального отделения вскоре после начала учебы в колледже. Даже среди твоих соседей по общежитию на первом курсе было несколько десятков более талантливых скрипачей. Глядя на странное объявление, ты прикидываешь, сколько прекрасных музыкантов живут в Верхнем Вест-Сайде (сотни), на Манхэттене (тысячи) и во всем Нью-Йорке (миллионы?).

И все же решаешь попробовать и просишь подругу, работающую на студенческой радиостанции, помочь сделать запись. Перед записью ты репетируешь несколько часов. Продумываешь, какие пьесы сыграть, корректируешь список и порядок исполнения — сначала быстрый темп, затем медленный, опять

* Эн-пи-ар (NPR — National Public Radio) — крупная американская радиовещательная компания.

быстрый; Бах, Корелли, Моцарт; технически сложные, экспрессивные, снова технически сложные; фрагмент, который позволит продемонстрировать работу пальцев, фрагмент, чтобы показать смычковую технику, фрагмент на вибрато*. Ты редактируешь резюме, подчеркивая свои музыкальные достижения. Затем бросаешь конверт с резюме и записью в почтовый ящик и думаешь: *попытка не пытка*.

Проходит три дня, и Бекка Белдж приглашает тебя пройти в темную двухкомнатную квартиру, заставленную дрянной офисной мебелью. Стопки компакт-дисков высятся прямо на конфорках плиты, микрофонные кабели змеятся по полу кухни, подоконники завалены нотами.

Бекка — высокого роста, крупная, с рыжими волосами и красным лицом — предлагает тебе сесть на металлический складной стул. Ты говоришь: «Спасибо, мисс Белдж», а она отвечает: «Зови меня Бекка», одновременно копясь в шкафчике, выбирая ноты и бросая их на пол. Ты сидишь, держа скрипичный футляр на коленях, и искоса поглядываешь на ноты. В любой момент Бекка может попросить тебя сыграть с листа, и тогда ты обречена: этого ты совсем не умеешь, и именно это отличает действительно талантливого соискателя, музыкального вундеркинда, способного с ходу исполнить любую незнакомую пьесу, от тебя — трудолюбивой, но недостаточно одаренной скрипачки, приславшей хорошую демозапись.

— Вот, — Бекка протягивает тебе листок.

Что это? Сложнейший концерт Дворжака? Этюд Крейцера для виртуозов? Партита Баха, которая сразу выявит в тебе любителя, притворяющегося профи, хотя ты будешь пилить и царапать струны смычком, до хруста прижимая челюсть к скрипке?

Но это не ноты. Это форма для налоговой.

Ты не впервые устраиваешься на работу и знаешь, что такие формы заполняют уже после того, как тебя наняли. Но как это

* Вибрато — прием игры на скрипке, при котором палец левой руки прижимает струну и его равномерное колебание вызывает периодическое изменение высоты звука.

возможно? Ты же ничего не сыграла. Прослушивания не было. Бекка еще не задала тебе ни одного вопроса. Она просит заполнить форму, ты киваешь и делаешь, что она говорит, а она спрашивает, есть ли у тебя планы на выходные.

— Если планов нет, — объясняет она, — поедешь с нами в Нью-Гэмпшир.

— Без проблем, — отвечаешь ты, будто выступать в Нью-Гэмпшире для тебя обычное дело. Ты и раньше бывала севернее Нью-Йорка: ездила в Бостон к подруге на один день. Но Нью-Гэмпшир?

— Вот и отлично! — кивает Бекка и добавляет, что Евгений, скрипач из России, встретит тебя на углу улицы на Манхэттене в четверг вечером. Он отвезет тебя в Нью-Гэмпшир, и там вы встретитесь с Дебби, флейтисткой. Эта поездка станет для тебя «стажировкой», ты будешь продавать диски во время концерта.

— А скрипку брать? — растерянно спрашиваешь ты.

— Вряд ли она тебе понадобится, да и в машине у Евгения места маловато, — отвечает Бекка. — Но если все пройдет как надо, в следующие выходные уже будешь выступать.

Она протягивает тебе стопку нот и девять дисков. На обложках изображены идиллические сельские пейзажи: цветущее дерево, маяк, ручеек, бегущий через луг, и на каждой — имя Композитора.

— Кто это? — спрашиваешь ты.

Она показывает на диски.

— Это все он сочинил.

Ты никогда о нем не слышала, но Бекке предпочитаешь об этом не говорить. Вместо этого делаешь умное лицо: «О да! Легендарный Композитор!» За три года в колледже ты научилась вовремя прятать «деревенщину с южным акцентом», выражаясь словами одного будущего стипендиата Родса* и конгрессмена. Ведь благодаря интернету в наше время даже «деревенщина с южным акцентом» может выяснить все, что нужно.

* Стипендия имени Сесила Родса выдается на обучение в Оксфорде.